



ОТСУТСТВУЮЩИЙ ОБЪЕКТ¹
Эдна О'Шонесси

The absent object
Edna O'Shaughnessy

Впервые опубликовано в *Журнале детской психотерапии* (1964) 1(2): 34-43

Вступление

Предметом данной работы является отсутствующий поддерживающий объект. Он впервые вторгается в жизнь малыша в виде отсутствующей груди. Отсутствующая грудь является неотъемлемой частью отношений с грудью, поскольку логической сутью любых отношений является то, что есть время, когда человек находится вместе с другим, и время, когда он находится отдельно от него. Нерожденный младенец – будучи в непрерывном единстве с матерью – еще не имеет отношений с ней или ее частями: он вступает в область отношений в момент рождения. Кроме того, отношения следует отличать от простой связи, которая прерывается, когда партнеры расстаются. Для младенца связь с кормящей его грудью не ограничена получаемой выгодой. Он находится в отношениях с ней, которые включают присутствие и отсутствие, продолжаясь, при физическом отсутствии груди, с грудью в ее отсутствии.

Первым интересным моментом является то, что образ отсутствующего объекта противоположен тому, что характеризует присутствующий объект. Когда объект присутствует, то он по определению является хорошим объектом. Как бы ни было трудно, кормящая грудь поддерживает жизнь. И напротив, отсутствующая грудь, когда она нужна, но ее нет рядом, в первую очередь переживается как голод; это значит, что отсутствующий объект – это плохой объект, который оставляет ребенка голодать и умирать. Однако, отсутствующий объект является неотъемлемой частью жизни ребенка, и в процессе своего развития он должен с этим смириться. Большие трудности в установлении хорошего внутреннего объекта связаны с тем, что, поскольку он вызывает ненависть, когда отсутствует, сложно сохранить то хорошее, что было получено в его присутствии. Однако, создавая трудности для развития, отсутствующий объект также и побуждает к развитию. Своей жесткостью он сталкивает ребенка с реальностью и разрушает оболочку фантазий, защищающих его от осознания своей уязвимости и зависимости. Это заставляет его познать реальность.

¹ Перевод с английского и редакция Елизаветы Агеенко и Регины Саакян

Отсутствующий объект в особенности является стимулом к развитию мышления. И это не случайно, поскольку между мыслью и отсутствием есть логическая связь. Вас могут попросить подумать о чем-то, чего нет, например о картине в галерее (скажем), но вас нельзя попросить подумать о картине, на которую вы уже смотрите; восприятие исключает мысль в этом основном и простом смысле. Вы можете думать – в смысле рефлексии – о чем угодно, о вещах, присутствующих или отсутствующих, но, прежде чем вы сможете «думать о чем-то [thinking about]», вы должны развить предшествующую способность «думать [thinking of]». Последнее, по существу, связано с отсутствием вещей; с точки зрения развития с отсутствующей грудью.

И действительно, психоаналитическая теория всегда постулировала, что неудовлетворенность [frustration] ведет к психическому развитию. Фрейд отмечает, что «жизненные потребности» служат для «психического аппарата толчком к дальнейшему развитию», и продолжает свою мысль, говоря, что: «Жизненные потребности прежде всего противостоят ему в форме телесных нужд» (1900). Сам Фрейд не много говорил об условиях для психического развития, его в основном интересовала регрессия, а не развитие. А со времен Фрейда не было единого мнения о том, каким образом фрустрация действует в психической системе. Сейчас же есть множество отдельных вопросов: Как ребенок *испытывает* неудовлетворенность? Когда он переживает «большие телесные нужды», каково его психическое состояние? Другими словами, когда у него есть «большие телесные нужды», то какая фантазия овладевает его психикой?

В своей книге «Обучение через опыт переживания» У. Бион исследует это переживание нужды в младенце и дает этому следующее описание. Когда младенец чувствует голод и нуждается в груди, он знает о неудовлетворенной потребности. Эта неудовлетворенность, боль от голода, является тем, что присутствует в нем, и это изначально переживается как присутствующая плохая грудь. Теперь младенец должен сделать решающий шаг вперед. Что желанная грудь, *на самом деле*, это не присутствие плохой груди, а отсутствие хорошей груди, когда она необходима. Со временем младенец должен узнать об этом факте, который представляет собой факт как внутренней реальности – его потребность, так и внешней – пропавшая хорошая грудь. Это значит, что младенец должен продвинуться от переживания в фантазии необходимой хорошей груди как о присутствующей плохой груди к способности *помыслить* настоящую пропавшую хорошую грудь. Этот решающий шаг в развитии сложен, поскольку плохая грудь, которая в фантазии присутствует, ощущается как обладающая *принципиальным намерением* заморить его голодом до смерти, то только достаточно выдержав боль и ужас своей неудовлетворенности, он может оказаться в состоянии думать об этом – думать, в конечном счете, что ему нужна потерянная хорошая грудь. Такое знание, в мыслях, о хорошей груди также будет помогать ему выносить свое состояние нужды. Поскольку способность выдерживать неудовлетворенность необходима для развития мышления, младенец, который по большей части избегает столкновений с неудовлетворенностью [своих потребностей] и в своей фантазии просто избавляется от нее, использует методы, прямо противоположные мышлению, так что развитие его психических возможностей может быть, как минимум, заторможено, а может быть и нарушено. Таким образом мы можем сказать, что отсутствующий объект дает ребенку первую возможность познать реальность посредством мысли, а также побуждает его к новому, а именно, сделать неудовлетворенность более выносимой.

В терапии ребенок вновь переживает ранние чередования своих объектов по мере того, как присутствие и отсутствие его терапевта сменяют друг друга. В этом отношении терапия вторит жизни и позволяет нам наблюдать чувства ребенка в отношении своих объектов в их присутствии и отсутствии. Можно видеть, что, с самого начала, ребенок реагирует на любой

перерыв, нарушающий привычный ритм терапии, будь то пасхальные и летние каникулы или Рождество. Более того, с самого начала ребенок чувствителен даже к окончаниям сессий; когда у него несколько сессий в неделю, то он особенно остро реагирует на выходные. С начала терапии присутствие и отсутствие его терапевта переживается как лежащая в их основе смена хорошего и плохого, краткое повторение в настоящем его ранних ощущений груди, когда присутствующая грудь ощущалась, *в первую очередь*, как хорошая, а отсутствующая, *в первую очередь*, как плохая.

А затем, согласно открытиям д-ра Биона, то, как младенец справляется с отсутствующей грудью, станет решающим для развития силы его мышления. Подобным же образом может оказаться, что то, как ребенок справляется с интервалами в своем лечении, будет иметь решающее значение для его удачного исхода. В этом случае вопрос ставится следующим образом: сможет ли он сохранить и использовать, испытывая напряжение в отсутствии своего терапевта, то понимание – мысли – которые он получил в его присутствии?

Этими колебаниями между хорошим и плохим, ощущаемыми в приходах и уходах, и трудностью вынести боль, причиняемую отсутствием, сохраняя при этом способность думать о ней, чтобы сделать ее более терпимой, можно объяснить такое известное в терапии явление как утяжеление клинической картины перед более длинным, чем обычно, перерывом. Мощные защиты от признания сильных чувств, вызванных надвигающейся разлукой, и в то же время возрастающая настойчивость потребностей, страха и ненависти в младенческих частях [личности], которые могут прорвать защиты, оставив ребенка наедине с их силой. В более тяжелых случаях, когда ребенок не способен признать приближающуюся разлуку, он все больше истощается, поскольку все больше и больше отщепляет свою способность осознавать, до тех пор, пока его личность, кажется, не истощится. Общая природа примитивных фантазий ребенка об отсутствующем объекте хорошо известна. В фантазии объект атакуется множеством способов, потому что, отсутствуя, он становится враждебным, отвергающим или эгоистичным, заботящимся о себе самом или наслаждающимся с теми, кто оказался предпочтительнее. Однако, более важным, чем такие завистливые и ревнивые недоумения, является чувство, что отсутствующая грудь оставила его умирать. Вот слова маленького мальчика на сессии перед пасхальными каникулами, когда он стал бояться меня как злобного отсутствующего объекта. Он говорил со своими испуганными частями, пытаясь приободрить их. «Послушай, – обращался он к самому себе, – леди хочет что-то сказать. Она говорит, что ты будешь спасен. Она напоит тебя. Она *не* рада тому, что ты умираешь.» Страх смерти возникает во время терапии как основная тревога, вызываемая отсутствием объекта.

Теперь я хотела бы привести клинический пример ребенка, который не способен вынести воздействие отсутствующего объекта. Это разрушает его защитную фантазию о том, что ребенок и грудь – одно целое, и обнажает реальность его отделенности. Отсутствующий объект таким образом переживается как угроза смерти и немедленно – в фантазии – взрывается, изгоняясь прочь. В ходе подробно изложенной сессии мы видим, как ребенок перестает избавляться от такого состояния. Вместо этого он начинает сталкиваться с ним. Он начинает пытаться думать о нем, что заставляет его атаковать отсутствующий объект, но и вместе с этим осознавать собственное одиночество.

Эта сессия состоялась на следующий день после того, как я сказала Джону, 12-летнему мальчику, о его первом перерыве на каникулы. Он начал свой анализ с частотой четыре раза в неделю за пять недель до Пасхи. Поначалу он заходил в игровую испуганным и вставал на одном месте, с опаской разглядывая предметы мебели, стены и пустое пространство между вещами. Как будто комната была заполнена частицами. Он не мог пошевелиться. В какие-то моменты он выглядел очень печальным. Только на третьей сессии он смог подойти к

открытому ящику, и сделал он это довольно любопытным способом. Он сложил свое пальто, ранец и перчатки на стол таким образом, что они образовали что-то наподобие стены перед ящиком, затем он согнулся и пролез вдоль этой стены, присел на корточки возле своего ящика и дотронулся до чего-то пальцем. Затем он отполз назад и оглядел комнату. Создавалось впечатление, что он влез во что-то, чтобы добраться до ящика. Это впечатление подтвердилось двумя днями позже, когда он буквально вышагнул из своих туфель, оставив их у двери, и затем вошел в комнату, в фантазии, шагнув из самого себя и войдя в новую среду, более плотную, поскольку она была внутренней: внутрь объекта, куда он вползал, чтобы добраться до его содержимого. На следующий день он перенес острый приступ клаустрофобии в комнате, крича и борясь, чувствуя, что задыхается в объекте, в котором он был заточён. Несколько последующих сессий были посвящены его клаустрофобической тревоге. Это краткое описание подводит нас к одиннадцатой сессии, когда я, поскольку оставалось мало времени, сообщила ему о том, что мы должны прерваться на двухнедельные пасхальные каникулы. Он стоял у окна, глядя наружу. Когда я объявила об этом, он обернулся и уставился на меня, его лицо вытянулось от недоумения.

На следующий день он принес с собой тетрадь. Первую страницу почти полностью занимал большой незаконченный рисунок, и он уселся, чтобы его продолжить. Рисунок содержал внутренний круг и четыре окружавших его круга, которые были тонко очерчены. Сверху это выглядело так, как будто в направлении центра проваливался стержень, который оставлял брешь в первом кольце и в части каждого последующего кольца под ним. Я спросила Джона о его рисунке. Привычно запинаясь, он ответил: «Это Англия и Франция, которые однажды объединились. Потом пришел вулкан, и они разделились. Средний кусочек затонул, и сейчас они похожи на это», и он показал мне своим карандашом на места, где каждое из четырех колец не совпадало с утонувшим кусочком. Я сказала: «Ты чувствуешь, что ты и я как Англия и Франция, что однажды мы объединились. Ты чувствовал, что мы объединены, пока я не сказала тебе, что мы должны прерваться на пасхальные каникулы. Мои слова утонули в тебе как этот стержень в середине. Тогда ты просто уставился на меня. Я думаю, что, когда ты смотрел на меня, ты видел меня как плохую уходящую грудь, а затем ты чувствовал, как вулканом, исходящего из твоего глаза, ты распылил эту плохую грудь, чтобы не видеть ее перед собой, внутрь меня.» (В интерпретации я использовала выражение «плохая грудь», а не «плохая мать» из-за природы его отношений со мной, которые, как я понимала, находились на раннем уровне частично-объектных отношений.) Я продолжала: «Сейчас ты чувствуешь, что мы разделены и не подходим друг другу.» Джон закрашивал центральный круг. Он сказал: «Огонь горит здесь, в середине, потому что он не должен попасть на другую сторону.» Он проверил оборотную сторону страницы, чтобы убедиться, не просвечивает ли его рисунок с другой стороны. Он начал пускать газы. Я сказала: «Твой рисунок описывает то, что у тебя внутри. Ты чувствуешь, что ты содержишь меня внутри себя, как грудь с твоим вулканом в ней – это то, что сжигает сейчас тебя изнутри в середине. Ты чувствуешь, что ты не должен позволять этим жгучим газам выйти из тебя на другую сторону – но все равно ты чувствуешь, что они просачиваются вместе с запахами из твоего ануса.»

На следующей странице он нарисовал три головы в профиль: у первой был низкий лоб, у второй повыше, а у третьей лоб был еще выше. Он подписал под первой головой «-1000», под второй «Сейчас», а под третьей «+1000». Он сказал, что это обычные люди, и что «-1000» значит тысячу лет назад, когда у них не было мозгов, сейчас у них больше мозгов, а еще через тысячу лет у них будет еще больше мозгов. У него самого была довольно длинная челка, создающая эффект низкого лба, и я сказала: «На самом деле, эти люди – это ты. Ты чувствуешь, что сейчас у тебя больше мозгов, теперь ты понимаешь, что ты сделал со мной как с отсутствующей грудью, и что за грудь ты содержишь внутри. Это отличается от того, что

было вчера, когда ты ничего этого не видел, потому что взорвал это с глаз долой. Этот метод «вулкана» кажется настолько далеким от понимания, что вчерашний день кажется тысячелетней давностью. Это ощущение давности происходит также от того, что метод «вулкана» – это то, как ты мог избавляться от отсутствующей груди твоей матери давным-давно, когда ты был еще младенцем. И еще я думаю, что это ощущение, что у тебя сейчас больше мозгов, дает тебе надежду иметь еще больше мозгов в будущем.»

Он принялся за другой рисунок. Он нарисовал круг и сказал, что это Луна. Он сказал: «Ракеты сбрасывают стрелы воздуха в Луну. Тогда на ней будет достаточно воздуха для жизни.» Я сказала: «Когда ты извергнул отсутствующую грудь из своего глаза, ты чувствовал, что вулкан вылетел из твоего глаза и пересек пространство между нами, пока не добрался до меня, где он вошел в меня и превратил меня в грудь-луну. Сейчас ты чувствуешь, что ты должен вдохнуть жизнь в меня и в мою атмосферу, тогда и для тебя здесь будет достаточно воздуха, чтобы жить. Я думаю, что ты чувствуешь, что слова, которые ты мне говоришь, это делают – это стрелы воздуха, которые дают жизнь анализу.» Он перевернул страницу, чтобы посмотреть, не просвечивает ли его рисунок с другой стороны. Он выглядел обеспокоенным и дотронулся до показавшихся [на обороте] отметин, и на протяжении всего этого времени он портил воздух. Я сказала: «Ты беспокоишься, что из-за выделяемых тобой запахов, которые атакуют меня за то, что я ухожу, ты разрушаешь свою работу по оживлению мертвой груди и ее атмосферы; ты опасаясь, что эти атаки загрязняют ее.»

Он начал маленький рисунок. Он нарисовал Землю и большую Луну. Он поместил туда четыре ракеты – не вокруг Луны, как раньше, а рядом с Землей. Сдавленным голосом он сказал: «Теперь они возвращаются.» Я сказала: «Четыре ракеты значат четыре дня, что ты приходишь ко мне. А теперь, на Пасху, ты должен возвращаться.» Он нарисовал на Луне какие-то неровные фигуры. Он сказал: «Это то, что видишь вечером, когда смотришь на Луну.» Я спросила его, что это за штуки на Луне. После долгих колебаний, он ответил: «Теперь я знаю, что это такое. Они называются кратерами.» И он вернулся к рисунку с тремя головами и увеличил третью голову. Было видно, что ему не просто. Тогда я сказала: «Сейчас ты знаешь, что видишь во мне кратеры после вчерашнего глаза-вулкана и сегодняшних газов». Возможно, когда ты говоришь о взгляде на Луну, это еще и воспоминание о том, как ты, будучи младенцем, смотрел на грудь и видел, как напал на нее и помещал в нее кратеры или потухшие вулканы, чтобы избавиться от того, что иначе погасило бы тебя. Осознание этого приводит тебя в отчаяние, потому что ты чувствуешь, что такая покрытая кратерами грудь не может сохранить тебе жизнь. На самом деле теперь тебе стало не по себе со мной как с мертвой Луной-грудью, испускающей вонючие газы.»

Он вернулся к своему первому рисунку. В его центре он написал «Огонь». В верхнем утопающем кусочке он написал «Мокрый от воды», говоря: «Море заливает». Я сказала: «Ты возвращаешься к своему первому рисунку, к тому, что у тебя внутри, потому что я, как внешняя грудь, ощущаюсь как мертвая и вонючая, и так же далека на Пасху, как и Луна; и ты показываешь мне, как ты чувствуешь внутри себя горящим в огне с грудью-вулканом, и что ты-младенец чувствуешь себя оставленным промокнуть от влаги слез и мочи, заполняющей тебя как море, когда я оставляю тебя.»

Многое на этой сессии не подчеркивалось и не интерпретировалось, поскольку казалось второстепенным по отношению к содержанию его тревоги, связанной с каникулами и его реакции на них. Слова, которые я произнесла, объявляя о перерыве, вошли в него буквально: они воспринимались как то, что топят его в самом центре. «Вулкан», который появляется за этим – это не атаки злости, как может показаться сначала. Он не разозлился. Его глаза широко раскрылись не от яркого света, а в шоке от недоумения: он не мог поверить в *это*. Затем он продолжил долго смотреть на меня пустыми глазами. Бессознательная фантазия в

эти моменты выражалась в том, что он мог извергнуть эту отсутствующую грудь, удаляя ее из поля зрения.

Он мог переживать то, что лежит в основе изумления младенца в похожих обстоятельствах. Иногда полагают, что, поскольку младенец лишь тарашится, когда грудь исчезает, он не против ее отсутствия, но мы можем предположить, что иногда он реагирует на отсутствующую грудь – которая для него является морящей голодом грудью – выбрасывая ее из своих глаз так, как это делал Джон, когда услышал на сессии, что я оставляю его. Мы можем сказать, что смерть заглянула ему в глаза, и когда он обернулся, чтобы уставиться на меня, у него была фантазия, что он выбрасывает смертоносную грудь, вколачивая ее в меня. Это значит, что он использует примитивный до-мыслительный способ реакции, чтобы избежать тревоги собственного умирания.

Мы можем видеть, что для него мыслить, использовать свой мозг, намного труднее, чем избегать страха при помощи метода «вулкана». Он смог немного подумать на этой сессии, и каждый шаг в его мышлении казался ему таким огромным, как если бы он занимал тысячу лет. Интересно, что дважды за сессию он чувствует, что у него стало больше мозгов: в первый раз, когда он узнает что-то о своем внутреннем мире, что тот содержит вулканический объект, который сжигает его; и еще раз, когда он понимает, что это свои кратеры он видит, когда смотрит на Луну, то есть он обнаруживает, что именно он делает со своим объектом. Эту вторую часть знания ему труднее принять из-за неугасающих чувств преследования и отчаяния, сопровождающих знание о том, что грудь изрыта кратерами. Мы можем видеть, что приближающийся перерыв на Пасху будет особенно напряженным, поскольку теперь у него, как он сказал, больше мозгов. Тот факт, что анализ помогает ему понять то, что он, в его словах, 1000 лет назад понять не мог, означает, что перерыв, помимо напряжения, связанного с отсутствием объекта, вызывает тревоги, с которыми он был не способен встретиться до прихода в анализ, а теперь боится встретиться в одиночестве. На самом деле, это привычное дело, что пациенты могут быть не в состоянии сдерживать такие тревоги во время перерыва и могут прервать лечение или делать безрассудные вещи, или даже совершать преступления.

На этой сессии мы также видим, как все его агрессивные силы мобилизуются, чтобы избавиться от отсутствующей груди. Сам он так описывает это: «Пришел вулкан.» Это означает, что он не просто изгоняет уничтожение в грудь, но делает это с таким неистовством, что – продолжая говорить его образами – вулкан разрушает и раскалывает Луну, когда попадает на нее. Это важное событие. Оно означает, что реинтернализированная отсутствующая грудь – это теперь грудь, распадающаяся внутри, поскольку в ней поселилось разрушение. Более того, поскольку изначально оказаться голодным в отсутствии объекта означает голодание и смерть для младенца, именно эта угроза умирания выталкивается, проецируясь вовне, и именно ее, как чувствует младенец, будет содержать затем вновь интернализированный объект. Тогда внутренний объект ощущается изнутри как умирающий изнутри, а отсутствующий объект, посредством проекции, становится, в свою очередь, мертвым объектом. Более того, на ранних стадиях развития, когда ребенок еще не зрел, все процессы, которые способствуют улучшению, очень сильно зависят от присутствия внешнего объекта, вот почему, когда он продолжает отсутствовать, ребенка охватывает страх и отчаяние, как в конце сессии с Джоном, когда он возвращается к себе, чувствуя, что его внутренний объект пылает, в то время как он находится в море влаги и слез.

Факт того, что внутренняя ситуация ухудшается при отсутствии внешнего объекта, создает трудности для развития. Внутренний объект должен сохраняться в живых, иначе каждое воссоединение будет наткаться на такие тяжелые препятствия, что это сделает

невозможным постоянные отношения. Задача младенца в присутствии груди отличается от той, что была у него, когда грудь отсутствовала. В присутствии груди он должен вобрать в себя хорошее, преодолевая сложности темперамента и обстоятельств. Задача при отсутствии груди состоит в том, чтобы сохранить то хорошее, что было приобретено в ее присутствии, что повторяется в задаче ребенка в терапии, чтобы использовать и сохранять свои инсайты внутри самого себя, когда он находится вдали от своего терапевта. Однако часто вместо этого он оказывается в еще более трудной ситуации. Болезненная потребность в объекте, когда тот отсутствует, может заставить его вернуться к примитивным механизмам, подобным тем, что показаны в случае с Джоном. Не в состоянии выдержать свое положение, ребенок избавляется от тех частей себя, которые чувствуют и знают о его боли, изгоняя их внутрь своего объекта с силой, которая воспринимается как способная повредить объект. Это значит, что ему приходится все больше использовать проективную идентификацию. Это приводит к тому, что объект вбирается внутрь как более плохой, чем он был, поскольку сейчас он воспринимается как содержащий эти жестокие части ребенка, и отсутствие внешнего объекта продолжает мешать его восстановлению.

В своей работе «Скорбь и ее связь с маниакально-депрессивными состояниями» Мелани Кляйн показывает, что внешнее присутствие матери необходимо для преодоления таких внутренних тревог. Дело не только в том, что, когда мать далеко, она не может пополнить запасы пищи и любви своего ребенка, но и в том, что она не может утешить его своим присутствием. Когда ребенок атакует ее за то, что она покинула его, он интернализирует поврежденную мать, так что ее внешнее присутствие дает ему видимое опровержение его внутреннего состояния, и тогда он может интернализировать внешний объект, чтобы выправить свой внутренний объект. С этим частично связана радость при возвращении отсутствовавшего объекта. На самом деле, невозможность отделиться от объекта может быть вызвана страхом остаться наедине с внутренне поврежденным объектом без подтверждения его внешнего присутствия.

Есть и другие свойства объекта, которые оказываются потеряны для ребенка, когда объект уходит: не остается никого, кто мог бы принять и позаботиться о его нежеланных частях. Эта способность матери, погруженной в реверии со своим ребенком, как называет это У. Р. Бион, вбирать от ребенка то, что он не хочет больше сдерживать, и возвращать ему это в улучшенном состоянии так же важна в эмоциональном плане как проявление любви, подобно тому, как выведение из организма мочи и фекалий так же важно как обеспечение питания на физиологическом уровне. Когда рядом с ребенком нет никого, кто мог бы принять его эмоционально нежеланные части, ему ничего не остается как только сдерживать их в неизменном состоянии или выделять их, а затем жить в загрязненном ими пространстве. У детей, страдающих от слишком долгой разлуки, может быть растерянный взгляд, взгляд оказавшихся в тупике. Внутренне это означает, что из-за продолжающегося отсутствия внешнего объекта, который мог питать и утешать, а также принимать его состояния психики, прекратился поток внутрь и наружу, и в результате ребенок чувствует себя переполненным своим состоянием.

Его состояние может усугубляться отсутствием внешнего контроля над плохими частями его своего собственного «я». Когда это слабое, а деструктивные импульсы сильные, особенно нужны внешние ограничения. В отсутствии ограничивающего объекта, ребенок чувствует себя отданным на милость ревности и зависти, возникающими в отсутствии объекта, который часто кажется отсутствующим, потому что занят чем-то другим, другим младенцем, пенисом или эгоистично, своими собственными внутренностями. Например, когда приближались каникулы, мальчик восьми лет несколько раз играл следующим образом. Он соорудил грудь, ставя миску вверх дном и устанавливая сверху маленький красный объект в

качестве соска. Под миску он клал несколько машинок. Затем он приносил диких животных, расставляя их вокруг этой репрезентации груди, брал другую машинку и проталкивал ее между другими обитателями груди, сминая их. Здесь мы видим, как примитивные части ребенка собираются вокруг груди, которая, будучи далеко от него, воспринимается как дающая кров другим, и в фантазии вторгаются в нее и растаптывают ее сожителей.

Это нападение на внутренний объект затрудняет для ребенка возможность сохранить его и использовать, когда внешний объект отсутствует. Однако, несмотря на все те трудности, которые он создает, отсутствующий объект является необходимым условием развития. Небольшой пример: отсутствующий объект разрушает фантазию Джона о жизни в груди и побуждает его в промежутке между двумя сессиями – хотя раньше он не рисовал, не говоря уже о том, чтобы заранее подготовить сообщение – к тому, чтобы выразить свое психическое состояние на бумаге и принести рисунок в свой анализ.

Нет необходимости возвращаться к обсуждению связи между мышлением и не-присутствием, которая показала, что возможность мыслить должна начинаться с мысли об отсутствующем объекте. Отсутствующий объект обладает свойством предлагать «решающий» выбор, как говорит д-р Блон, «между действиями, служащими избеганию неудовлетворенности, и теми действиями, которые служат ее видоизменению» (*Обучение через опыт переживания*, стр. 29). Очевидно, что метод «вулкана», применяемый Джоном, это избегание такой ситуации. Он не имеет с ней дела, и это отражено в его собственном описании того, что происходит. Он сказал: «Пришел вулкан», что передает чувство того, что он переживает это, скорее, как нечто, что случается с ним, нежели ощущение, что он использует свои психические силы. Однако самые первые рудиментарные мысли требуют того, чтобы ребенок столкнулся со своей неудовлетворенностью и напряг свой разум, чтобы справиться с ней.

На ранних стадиях, чтобы спастись от полного осознания своей зависимости от объекта, которого рядом нет, он может пытаться изменить свое положение мыслями о всемогуществе. Примером этого могут быть приготовления 12-ти летней девочки к летнему перерыву, во время которых она воображала себя всемогущей обладательницей всего, что ей нужно. Она сделала календарь на август месяц и украсила его рисунком чаепития в саду. Большую часть картины занимал стол, на переднем плане которого стояли два высоких бокала, заполненных шариками мороженого. Из ее ассоциаций можно было понять, что она отрицала предстоящую в августе разлуку со мной, ощущая себя собственной матерью, делая себя в своей фантазии хозяйкой чаепития, тем самым превращаясь в свою мать со всем, чем та обладала, особенно мороженым, ее грудями.

Во время перерыва, реальность того, что она была без меня, вторглась в эту фантазию, разрушив ее, и за несколько дней до возобновления ее анализа она увидела сон, который рассказала на первой сессии. Она стояла на берегу, и ей посоветовали войти в море, чтобы искупаться. Когда она посмотрела на море, оно показалось ей холодным, да к тому же уже потемневшим и непривлекательным. Поэтому она не стала пробовать. Это был пролог к следующей сцене сна. Она была в сидячей ванне вместе с другой девочкой, школьной подружкой. Ее живот был очень большим, и она была беременна. В одном месте на животе выпирала шишка, которая, как она думала, должно быть была головой младенца. С учетом ее ассоциаций и момента, когда было увидено сновидение (в контексте работы над тем, кем себя ощущает пациентка, когда объект отсутствует), его можно интерпретировать следующим образом. Во второй части сна она делает себя одновременно и беременной матерью, и родительской парой – она и ее школьная подруга, и не рожденным младенцем – в сидячей ванне. С помощью всемогущей фантазии она становится всеми теми, кем она не является, чтобы отрицать боль от того, кто она есть. Если бы это был весь сон, то он был бы

примером всемогущего отрицания пациенткой отсутствия объекта. Однако пролог сна показывает, что во время каникул пациентка пришла к осознанию своего всемогущества и пониманию его целей: оно спасало ее от того, чтобы броситься в море, то есть уберегало от боли, вызываемой ее выходом из фантазий о чаепитиях в садах в непривлекательное море реальности, где она должна признать, что за время перерыва с ней не было поддерживающего ее объекта. Во сне это холодное, уже темное состояние, настолько непривлекательное, что она не решается попробовать и вместо этого полагается на всемогущество. Она также понимает, что ее анализ как бы «советует» ей искупаться в реальности. Этот сон, приснившийся ей во время каникул, в котором она увидела, что целью всемогущего мышления является защита от непривлекательного состояния, оказался поворотным моментом, после которого она стала реже прибегать к всемогущим методам. Оказалось, что прерывание терапии стало стимулом к развитию реального, а не всемогущего мышления об отсутствующем объекте.

Интересно, каким образом пациентка во сне воспринимает отсутствующую мать. Она чувствует, что та посоветовала ей войти и искупаться в море, и очевидно, что она чувствует, что ее отправили на такой холодный, темный и одинокий опыт, что она даже не пытается это сделать. Мать, которая толкает ее на такой опыт, плохая. Действительно, отсутствующий объект, с того момента, как он впервые встречается в ситуации болезненной нужды, воспринимается как плохой за то, что он не дает воспользоваться ребенку выгодами своего присутствия. Естественная жадность ребенка по отношению к своему объекту заставляет его еще больше возмущаться его отсутствием, а также его ревнивое желание помешать объекту иметь отношения с кем-либо, кроме него самого. Существуют также болезненные функции, для выполнения которых ребенку может требоваться присутствие своего объекта, например, упоминавшееся уже, постоянное утешение. Также в эту болезненную категорию входит потребность в присутствии объекта у детей, испытывающих чувство хронической потери. Например, маленький мальчик описывался как постоянно теряющий свои вещи, вплоть до такой мелочи как спичечная головка, которые потом нужно было найти. Наряду с этим присутствовала сильная тревога разлучения со своими родителями. В его случае потребность во внешних объектах как «необходимых дополнениях» [necessary adjuncts] – в том смысле, который этому понятию придает Р.Э. Мони-Кёрл – была вызвана чувством, что они содержат утраченные части его самого.

Это поднимает проблему того, как отсутствующий объект может перестать быть плохим объектом. Далее последует краткая зарисовка того, что на самом деле, по сути, является чрезвычайно сложным и медленным процессом. В противоположность силам темперамента, требованиям для нормального развития и чрезмерным требованиям нарушенного развития, которые заставляют ребенка цепляться за свой объект, в ребенке существует потребность в отсутствии своего объекта. Отсутствие является естественным и необходимым условием отношений, которые иначе превратятся в симбиоз, вредящий отдельной личности любого человека. Время, проводимое вдали от объекта, необходимо для получения эмоционального взгляда на опыт, полученный с объектом. С переживанием отсутствия возрастает и осознание ценности объекта. На самом деле непрерывное присутствие объекта будет преследованием; ребенок может чувствовать, что объект вторгается в его личность, и он так же будет обременен виной за присвоение себе объекта.

Дело не в том, что ребенок неохотно, в конце концов, смиряется с отсутствующим объектом, а в том, что он нуждается в его отсутствии. Его эмоциональное развитие будет помогать ему противостоять силам, которые заставляют его цепляться за объект. Главным образом, это будет его забота об объекте как таковом, а не как о собственном придатке, что позволит ему дать объекту свободу жить своей собственной жизнью. Ребенок всегда, хотя бы частично,

хочет, чтобы его отлучили от груди. Более того, когда он взрослеет и может лучше переносить свою вину, его потребность иметь плохой отсутствующий объект уменьшается, и объекту позволяется сохранять свои хорошие качества во время отсутствия. Кроме того, если он остается хорошим, когда отсутствует, то его можно без опаски возвращать, когда нужно. Иными словами, история отсутствующего объекта такова: сначала это присутствующая плохая грудь, затем он мыслится как плохой аспект груди, и наконец он начинает мыслиться как отсутствие хорошей груди.

На третьей стадии отсутствующий объект воспринимается как приемлемый и желанный, даже когда он отсутствует. Ему позволено отдыхать и иметь свои интересы, пока ребенок живет своей жизнью. Жадность, ревность и зависть уменьшаются, а любовь более активно защищает объект от атак. Это значит, что объект, который ребенок вновь интернализирует, не разрушенный, а живой, и может поддерживать его изнутри в отсутствие внешнего объекта. В терапии эта стадия достигается, когда ребенок сам использует понимание самого себя.

Ссылки

Bion, W.R. (1962) *Learning from Experience*. London: Heinemann.

Freud, S. (1900-1) *The Interpretation of Dreams*, II Standard Edition 5. London: Hogarth Press.

Klein, M. (1942) Mourning and its relation to manic-depressive states. In: *Contribution to Psycho-Analysis 1921-1945*. London: Hogarth, 1948.

Money-Kyrle, R.E. (1961) *Man's picture of his world*. London: Duckworth.